

Лит. газ. - 1994. - 22 июля. - с. 4.

Юрий НАГИБИН

Его не стало утром 17 июня

За неделю до этого он был в издательстве ПИК на дружеском торжестве по случаю выхода своей книги новых повестей "Тьма в конце туннеля", "Моя золотая теща" и, словно начинающий автор, от души радовался сигнальному экземпляру, увы, последнему прижизненному. А всего за два дня до скоропостижной — на 75-м году — кончины участвовал в презентации альманаха Союза писателей Москвы "КОЛЬЦО А", где опубликована его повесть "Бунташный остров".

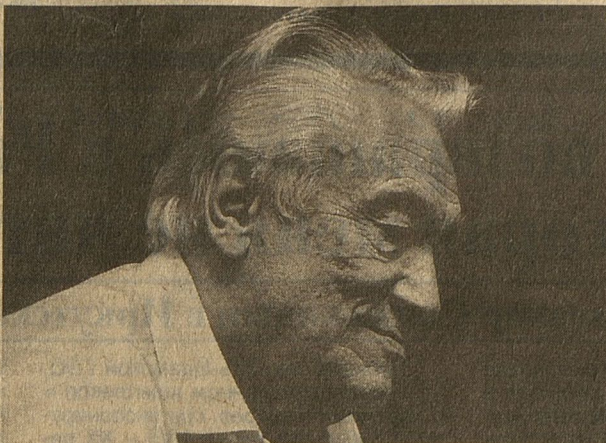
Так совпало: литературный дебют Юрия Нагибина пришелся на 22 июня 1941 года — этим днем датирован номер "Огонька", где был напечатан его первый рассказ. Первая книга молодого писателя — "Человек с фронта" — появилась в 1943 году. Участник Отечественной войны, Юрий Нагибин пришел в литературу как представитель фронтового поколения и на протяжении всей жизни был неизменно верен памяти войны.

В послевоенные 40–50-е и особенно в "оттепельный" период 50–60-х гг. ярко и всесторонне раскрылся талант Юрия Нагибина. "На тихом озере", "Ночной гость", "Чистые пруды", "Чужое сердце" по праву считаются классикой современного рус-

ского рассказа, а повести — от давних "Трудное счастье", "Страницы жизни Трубникова" до самых последних — являют собой неповторимость того воистину новаторского импульса, какой внес писатель в развитие форм русской прозы.

Перу Юрия Нагибина принадлежит ряд сценариев, по которым сняты известные фильмы, в том числе "Председатель". Чуткий к материалу повествования, писатель не боялся предстать перед читателем новым, непривычным, незнакомым.

Так было в 70–80-е годы, когда изпод его блистательного пера друг за другом появлялись написанные на едином дыхании художественные исследования о Бахе и Кальмане, Чайковском и Рахманинове, протопопе Аввакуме и Тредиаковском, Пушкине и Дельвиге, Тютчеве и Фете, Аполлоне Григорьеве и Иннокентии Анненском, Бунине и Лескове... Писатель возрождал историко-биографический жанр, и это не было уходом в прошлое, бегством от тревожных забот времени, которое ныне мы называем застой-

ным. Воскрешая крупномасштабные фигуры наших предшественников, он покушался на святая святых советского идеологического надзора: отстаивал честь и достоинство искусства, ратовал за свободу творчества, за полное, ничем не стесненное развитие таланта.

Нового Нагибина открыла нам и его проза 90-х годов, насыщенная условными приемами и гротескными красками быто-вой, социальной, политической сатиры: решительный расчет с коммунистическим прошлым и заданная жизнью тема национал-шовинизма, которую он, по собственному его выражению, "единственный из всех пишущих... ввел в беллетристику".

Все это вместе неразрывно связано с

той общественной и нравственной позицией, какую твердо занял Юрий Нагибин в бескомпромиссной борьбе за нашу российскую демократию, мужественно поддержанную авторитетом его писательского имени, силой его таланта, темпераментом и гражданственностью его как сопредседателя Содружества союзов писателей и Союза писателей Москвы.

Он был благородным рыцарем литературы, не выпускавшим из рук пера на про-

тяжении пятидесяти с лишним лет. Эта безотказная преданность писательскому делу — и урок для всех нас, и завет нам.

И все-таки, все-таки как нам поверить в то, что он ушел от нас, этот красивый, обаятельный и талантливый человек? Ушел, улыбнувшись нам напоследок, отчего наши боль и скорбь еще острее, хотя и разделяют их с нами миллионы читателей, которым завещал он и свое творчество, и свою любовь к России.

А.Ананьев, А.Анфиногенов, В.Астафьев, Б.Ахмадулина, Г.Бакланов, З.Богуславская, А.Борщаговский, В.Быков, Б.Васильев, А.Вознесенский, В.Войнович, Д.Гранин, Ю.Давыдов, Е.Евтушенко, Ф.Искандер, Ю.Карякин, Я.Костюковский, Т.Кузовлева, А.Курчаткин, А.Нуйкин, В.Огнев, Б.Окуджава, В.Оскоцкий, Н.Панченко, А.Приставкин, А.Рекемчук, Р.Рождественский, А.Рыбаков, В.Савельев, Е.Сидоров, Ю.Суровцев, А.Турков, Ю.Черниченко

Памяти друга

Последний день жизни был его обычным рабочим днем. Он лег спать и, как святой, умер во сне. Что ему в эту последнюю ночь снилось — тайна. Юрий Нагибин был книголюб и эпикуреец. Он много работал и с наслаждением жил.

Среди множества написанных им страниц мне особенно близки: "Зимний дуб", "Комаров", "Чистые пруды", рассказы и эссе о Чайковском, Рахманинове, Лескове.

Он был охотник, бильярдист, прекрасно ходил на лыжах, никому не спус-

кал обед, легко платил за дружеские пиры и застолья, не кичился образованностью, говорил и читал на английском и немецком языках, знал и остро чувствовал стихи. Юра был моим другом, я жил у него, вернувшись с войны. Он был контужен на войне и на войне научился не трусить.

Много честных и талантливых людей проглотил этот прожорливый год. Не прощать — мука мученическая, а прощаться...

Григорий Поженян